

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Нестерова Елена Ростиславовна

**Монгольская империя Юань в Китае в XIII в.
Аспекты цивилизационного взаимодействия**

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история (История средних веков)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2020

Работа выполнена на кафедре истории средних веков Исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

- Научный руководитель** – *Мясников Владимир Степанович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН*
- Официальные оппоненты** – *Кадырбаев Александр Шайдатович – доктор исторических наук, профессор, Институт Востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока*
- Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, Институт Российской истории РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений*
- Попов Антон Владимирович – кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, директор центра экспертиз*

Защита диссертации состоится «23» марта 2020 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04. Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, ауд. 416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/274317450/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования «Монгольская империя Юань в Китае в XIII в. Аспекты цивилизационного взаимодействия» диктуется современными реалиями и направлением развития исторической науки. Вопросы комплексного изучения регионов и междисциплинарной интеграции все чаще выходят на первый план, преобладая над исследованием отдельно взятых сюжетов, персонажей, государств. В связи с этим анализ сосуществования монголов и китайцев в XIII в. с точки зрения взаимных влияний, заимствований, последствий для обоих народов, представляется темой, которой пришло время уделить внимание. Необходимо учесть, что во многом именно благодаря завоеваниям Чингис-хана активизировался обмен идеями и технологиями между Западом и Востоком, а процесс становления монгольской империи послужил одним из факторов, определивших современный облик Китая и Монголии. В первую очередь, это касается границ и религиозных предпочтений — при монгольской династии Юань Китай впервые занял всю свою нынешнюю территорию, а конфессиональный состав стал разнообразнее. Наконец, контакты Китая и монголов способствовали их дальнейшим завоевательным успехам, оказавшим определяющее влияние на историю всей Евразии. Необходимость изучить судьбы столь несхожих между собой народов потребовала провести сравнительный анализ большого пласта различных источников.

Степень разработанности темы зависит от конкретных вопросов. Ряд затрагиваемых в исследовании сюжетов изучен весьма подробно. Другим на протяжении истории изучения Монгольской империи внимания уделялось не в пример меньше. Некоторые вопросы, рассматриваемые в настоящей работе, в указанных формулировках не поднимались вовсе.

Начать следует с исторических источников. Прекрасно разработаны такие аспекты, как структура, содержание и история возникновения текстов «Юань-чао би-ши»¹, единственного монгольязычного сочинения XIII в., самого важного источника нашего периода; «Сборника летописей»² Рашид ад-Дина, крупнейшего труда, посвященного истории монгольского государства с его зарождения и до начала XIV в. Огромен в этом вклад отечественных востоковедов. Среди них следует назвать имена о. Иоакимфа, о. Палладия (Кафарова), С.А. Козина, Б.Я. Владимирцова, В.В. Бартольда, А.М. Позднеева. Также чрезвычайно активному изучению подвергались записи европейцев, побывавших при монгольском дворе, — Марко Поло³, Плано Карпини⁴, Гильома Рубрука⁵. Сочинение Марко Поло оставалось объектом пристального

¹ Позднеев А.М. О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао ми-ши // Сочинения. СПб., 1883. С. 480–501; Старинное монгольское сказание о Чингис-хане / Перевод П.И. Кафарова // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 1–258; Юань-чао би-ши (Секретная история монголов) / Издание текста и предисловие Б.И. Панкратова. [Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. Вып. 8. Т. 1]. М., 1962; Панкратов Б.И. Образцы переводов из «Юань-чао би-ши» / Подготовка к печати и предисловие Ю.Л. Кроля // *Mongolica*. К 750-летию Сокровенного сказания. М., 1993. С. 103–125; Успенский В.Л. О переводе «Сокровенного сказания» Цэнд-Гуна // *Mongolica*. С. 99–103; Тайная история монголов. Источниковедение, история, филология / Отв. ред. Б.З. Базарова, П.Б. Коновалов. Новосибирск, 1995; *Hung W.* The transmission of the book known as The secret History of the Mongols // *HJAS*. 1951. Vol. 14. Pt. 3–4. P. 433–492; *Halliday M.* The Language of the Chinese “Secret History of the Mongols”. Oxford, 1959; *Barret T.H.* The Secret History of Mongols. Some fresh revelations // *Muslims, Mongols and Crusaders* / Compiled and introduced by G.R. Hawting. NY., 2007. P. 115–119; *Atwood Ch.P.* The Date of the “Secret History of the Mongols” Reconsidered // *JSYS*. 2007. Vol. 37. P. 1–48

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей: Т. 1. Пер. Л.А. Хетагурова, ред. и прим. А.А. Семенова. М.; Л., 1952; Т. 2. Пер. Ю.П. Верховского, прим. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, под ред. И.П. Петрушевского. М.; Л., 1960; Т. 3. Пер. А.К. Арендса под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса, А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1946; История Ирана с древнейших времен до начала XVIII в. / Отв. ред. В.В. Струве. Л., 1958;

³ Марко Поло. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустичано / Пер. И.П. Минаева, вступ. статья И.П. Магидовича. Алма-Аты, 1990.

⁴ Плано Карпини. История Монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. С. 23–86.

⁵ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. С. 87–194.

внимания на протяжении более чем ста лет мирового востоковедения⁶. Отдельная дискуссия развернулась вокруг вопроса о достоверности поездки Марко Поло в империю Юань⁷. Тексты Плано Карпини и Г. де Рубрука неоднократно переводились, комментировались⁸ и изучались⁹. То же самое можно сказать еще об одном китайском источнике — «Чжу-фань чжи»¹⁰ Чжао Жугуа. Сочинение крупного чиновника по торговым делам изучалось на

⁶ *Palladius*. Elucidations of Marco Polo's Travels in North-China, drawn from Chinese sources // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. № 10. Cambridge, 1876. P. 1–54; *Кафаров П.И.* Комментарий на путешествие Марко Поло по Северному Китаю. СПб., 1902; *Brunello F.* Marco Polo e le merci dell'orientе. Vicenza, 1986; *Franke H.* China under Mongolian Rule. Aldershot, 1994. P. 53–54; *Voiret J.-P.* China, “objektiv“ gesehen: Marco Polo als Berichterstatter // AS. 1997. Vol. 51. P. 805–821; *Jackson P.* The Authenticity of Marco Polo's Travels / The Mongols and the West. Edinburgh, 2005. P. 363–366; *Jacoby D.* Marco Polo, His Close Relatives, and His Travel Account: Some New Insights // Mediterranean Historical Review. Vol. 21. No. 2. December 2006. P. 193–218; *Храпачевский П.П.* Военная держава Чингис-хана. М., 2004; *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.

⁷ *Heager J.W.* Marco Polo in China? Problems with internal evidence // Bulletin of Sung–Yuan Studies 14 (1978). P. 22–30; *Waldron A.* The problem of the Great Wall of China // HJAS. 1983. Vol. 42. P. 643–663; *Wood F.* Did Marco Polo go to China? London, 1995; *Morgan D.O.* Marco Polo in China — or not // JRAS. 3-rd series. 1996. Vol. 6. P. 221–225; *Rachewiltz I.* de Marco Polo went to China // ZS. 1997. Vol. 27. P. 34–92; *Vioret J.-P.* China, “objektiv” gesehen: Marco Polo als Berichterstatter // AS. 1997. Vol. 51. S. 805–821; *Tucci U.* Marco Polo andò veramente in China? // SV, n.s. 1997. Vol. 33. P. 49–59; *Jensen J.* The world's most diligent observer // AS. 1997. Vol. 51. P. 719–727; *Haw S.G.* Marco Polo's China: a Venetian in the Realm of Khubilai Khan. Abingdon, 2006; *Vogel H.U.* Marco Polo was in China. New evidence from currencies, salts and revenues. Leiden, 2013.

⁸ *D'Avezac* Relation des Mongol sou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin // Recueil de Voyage set de Mémoires publié par la Société de Géographie. Vol. IV. Livr. 2. Paris, 1839; *Beazley C.R.* The texts and versions of John de Plano Carpin and William de Rubruquis. London, 1903; *van den Wyngaert A.* Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV // Sinica Franciscana. Vol. I. Jirenze, 1929; *Risch Fr.* Johann de Plano Carpin. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245–1247. Leipzig, 1930.

⁹ Д'Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. / Пер. и пред. Н. Козьмина. Т. 1. Иркутск, 1937; *Юрченко А.Г.* Империя и космос. История Чингис-хана по материалам францисканской миссии. СПб., 2002; *Rachewiltz de I.* Papal Envoys to the Great Khans; *Werner G.* Die militärische Macht der Mongolen in den Berichten der Carpinimission. PhD dissertation. Fernuniversität in Hagen, 2011.

¹⁰ «Чжу-фань чжи» (Описание иноземных стран) Чжао Жугуа — важнейший историко-географический источник китайского средневековья / Пер., прим. М.Ю. Ульянова. М., 2019.

протяжении многих лет, фрагментарно переводилось¹¹, а недавно было впервые издано на русском языке полностью.

Другим источникам посвящено меньше исследований, поскольку спорных вопросов в их структуре, тексте или истории создания немного. Такова судьба «Алтан Тобчи»¹² Лубсан Данзана, которым в последние годы отдельно не занимались, хотя в середине XX в. этот текст привлекал внимание целого ряда востоковедов, таких как Ц. Жамцарано, П. Пеллио, А. Мостэрт¹³; надгробной надписи на могиле Елюй Чуцая, которой из современных исследователей наибольшее внимание уделял Н.Ц. Мункуев¹⁴, в работах же других востоковедов текст использовался очень редко¹⁵; «Чан-чунь си-ю цзи»¹⁶ Ли Чжичана, отчета о путешествии к Чингис-хану даосского мудреца Чан Чуня, который был переведен о. Палладием еще в конце XIX в., и с тех пор текстом специально не интересовались; «Записки»¹⁷ Чжан Дэхоя, южносунского посла в ставку Хубилая, который записал свои впечатления от путешествия, которые также переведены и прокомментированы о. Палладием, после чего на многие годы выпали из поля зрения востоковедов. Персидские и арабские тексты, касающиеся монгольской истории, за исключением «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, разрабатываются востоковедами не столь активно. «Наси́ровы разряды» Джузджани до сих пор не переведены на

¹¹ Ульянов М.Ю. Сообщение о Филиппинах в труде Чжао Жугуа «Чжу фань чжи» // Филиппины в Малайском мире. Малайско-индонезийские исследования. Т. V. М., 1994. С. 15–32; *его же* Чжао Жугуа «Чжу фань чжи» («Сообщения о подвластных Шривиджае государствах») // Восток. 1999. № 1. С. 156–166; *его же* Чжао Жугуа. Чжу фань чжи. Сообщение о государстве Шривиджая // Восток. 1996. № 6. С. 141–155; *его же* Мир глазами китайского таможенного чиновника XIII в. // Восточная коллекция. 2001 (1). С. 86–97; Chau Ju-Kua. Work on the Chinese and Arab Trade in the 12th and 13th c. / Trans. by F. Hirth and W.W. Rockhill. NY., 1966.

¹² Алтан Тобчи (Золотое сказание) / Пер., введ., ком. и прил. Н.П. Шастиной [ППВ 10] М., 1973.

¹³ См. там же. С. 19.

¹⁴ Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.

¹⁵ In the Service of the Khan / Ed. by I. de Rachewiltz. Wiesbaden, 1993. P. 136–172.

¹⁶ Си-ю цзи или описание путешествия на Запад / Пер., прим. о. Палладия (Кафарова) [Труды Русской духовной миссии в Пекине. Т. 4]. СПб., 1866. С. 261–434.

¹⁷ Путевые заметки китайца Чжан Дэхоя во время путешествия его в Монголии в первой половине XIII столетия / Пер., ком. П.И. Кафарова [Записки Сибирского отдела императорского Русского географического общества]. 1867. Т. 9–10. Вып. 11. С. 582–591.

русский язык¹⁸. Сочинения Ибн ал-Асира («Полный свод истории»), Шихаб ад-Дина ан-Насави («Жизнеописание султана Джелал ад-Дина») и Джувейни («История завоевателя мира») переводились неоднократно¹⁹. Вопросам создания и текстологическому анализу памятников посвящен специальный раздел в «Истории Ирана»²⁰. Относительно разработанной представляется тема двух других китайских путевых дневников, «Мэн-да бэй-лу»²¹ Чжао Хуна и «Хэй-да ши-люэ»²² Пэн Дая и Сюй Тина. К этим сочинениям исследователи обращались неоднократно — здесь стоит упомянуть работы В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова, Н.Ц. Мункуева, Р.П. Храпачевского²³.

¹⁸ Tabakât-i-Nâsirî: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A. H. 194 [810 A.D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. By the Maulâna, Minhâj-ud-Dîn, Abu-'Umar-i-'Usman / Transl. from Original Persian Manuscripts by H.G. Raverty. Vol. I–II. London, 1881; Index, Calcutta, 1897

¹⁹ Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны») / Критический текст, пер., пред., ком., прим. и ук. З.М. Бунятова [ППВ 107]. М., 1996; Ибн ал-Асир Ал-Камил фи-т-та'рих (Полный свод истории). Избранные отрывки / Пер., прим., ком. П.Г. Булгакова; введ. Ш.С. Камолиддина. Ташкент–Цюрих, 2005; Джувейни. Чингис-хан. История завоевателя мира / Пер. с англ. Е.Е. Харитоновой. М., 2004; The History of the World-Conqueror by Juvaini. Manchester, 1997; *Ibn el-Athiri*. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. by C.J. Tornberg. Vol. I–XIV. Upsaliae et Lugduni, Batavorum, 1851–1876.

²⁰ История Ирана. С. 164–167.

²¹ Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц. Мункуева. [ППВ 26]. М., 1975.

²² Хэй-да ши-люэ. Краткие заметки о черных татарах // Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, пер. под ред. Е.Р. Нестеровой. М., 2016.

²³ Васильев В.П. Записка о монголо-татарах («Мэн-да бэй-лу») // Труды Восточного отдела Русского археологического общества. Ч. 4. СПб., 1857. С. 216–235; *его же* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб., 1857; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963; Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов // Классики отечественного востоковедения / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2002; Мункуев Н.Ц. По поводу одного недоразумения // Китай. История, культура и историография / Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М., 1977. С. 97–100; «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Дая и Сюй Тина / Введ., комм. Н.Ц. Мункуева, пер. Н.Ц. Мункуева, Линь Кюнъи // Проблемы востоковедения. 1960. №5. С. 133–158; Мункуев Н.Ц. Основные китайские источники по истории Монголии (XIII–XIV вв.) // Современная историография стран Зарубежного востока / Отв. ред. Б.Н. Занегин. М., 1963. С. 156–194; Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. Т. 3. М., 2009; Meng-Ta Pei-Lu und Hei-Ta Shih-Lüeh. Chinesische Gesandtenberichte

Следующий сюжет настоящего исследования — связь между понятиями «монголы», «татары», «черные» и «белые татары» — давно привлекал внимание исследователей, однако до сих пор не получил общепринятого толкования. Разработка проблемы началась еще в XIX в. в трудах Н.Я. Бичурина²⁴, затем была продолжена²⁵ историками Н.Ц. Мункуевым, В.С. Таскиным, Р.П. Храпачевским, И. де Рахевильцем, С.Г. Кляшторным, Н.Н. Крадиным, Е.Р. Нестеровой, этнологами О. Притсаком, Н.Л. Жуковской, Л.Л. Викторовой²⁶. У каждого автора своя точка зрения на данный вопрос, и соглашение до сих пор не достигнуто.

Проблема организации верховной власти в монгольском обществе в дочингисов период и вскоре после воцарения Чингис-хана время от времени поднималась в научных работах. Здесь можно вспомнить исследования Т.Д. Скрынниковой, Н.Ц. Мункуева, Н.Н. Крадина, Ш. Сандага, Т. Барфилда, Ю.И. Дробышева, В.В. Бартольда, Г. Франке²⁷. Так или иначе, в этих трудах

über die Frühenmongolen 1221 und 1237 / Üb. und komm. von P. Olbricht und E. Pinks. Wiessbaden, 1980. S. 1–84; In the Service of the Khan. P. 3–8.

²⁴ Бичурин Н.Я. Записки о Монголии; его же Кто таковы были монголы // Москвитянин. 1850. № 24. Кн. 2. С. 85–92;

²⁵ Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах. С. 377–408; Таскин В.С. Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Материалы конференции. Ч. 2. М., 1979. С. 34–49; Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. М., 2015; Rachewiltz I. de The Name of the Mongols in Asia and Europe: a Reappraisal // Etudes mongoles et siberiennes. 1996. Vol. 27. P. 199–210; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Азии. СПб., 2005; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006; Нестерова Е.Р. Монголы, татары, черные татары — кто есть кто в истории монгольских завоеваний / Хэй-да ши-люэ. С. 7–19.

²⁶ Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980; Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988; ее же Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М., 2002; Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Farbzeichnungen in den altaischen Völkennamen // Saeculum. 1954. Vol. 5. S. 374–382.

²⁷ Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997, 2013; ее же Представления монголов XIII в. о харизме и культ Чингис-хана // Тайная история монголов. С. 66–87; ее же Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингис-хана // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. И.В. Следзевский. М., 2002. С. 204–219; Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингис-хан // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский; С. 23–46; Дробышев Ю.И. Мандат Неба в руках монголов // Basilus. Сборник статей в честь 60-летия Д.Д. Васильева / Отв. ред. И.В. Зайцев. М., 2007. С. 137–156; Крадин Н.Н.,

анализировались основные функции, которые должен был исполнять хан в доимперский период, а также те изменения, которые привнес в управление Чингис-хан. Однако все они носят более частный характер, рассматривая отдельные сюжеты, в то время как в настоящей работе была предпринята попытка обобщить наблюдения большинства востоковедов и материал из всех имеющихся источников, как китайских, так и арабских, и персидских, и европейских.

Следующей темой настоящей работы стало восприятие соседними народами монголов как «образа другого». Эта проблема прежде не становилась объектом специального исследования. Для анализа были привлечены сочинения китайских, европейских, азиатских авторов. Что касается работ востоковедов, то здесь можно вспомнить исследования Р. Хауталы²⁸, посвященные восприятию монголов европейцами.

Наконец, финальным сюжетом настоящей работы следует назвать основные направления, по которым проходило взаимное влияние монгольского и китайского народов. Эта тема слишком обширна, чтобы можно было говорить о ее разработанности в целом. Некоторые сюжеты, такие как экономическое развитие после завоевания, становление новой официальной идеологии, либо формирование аппарата государственного управления, рассматривались достаточно подробно. В качестве примеров можно назвать исследования Г. Франке²⁹ и Г. Шурмана³⁰, акцентировавших

Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана; *Барфилд Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай. СПб., 2009; *Крадин Н.Н.* Эволюция социально-политической организации монголов; *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана; *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimizing of the Yuan Dynasty. München, 1978; *Dardess Jh.W.* Conquerers and Confucians.

²⁸ *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских текстов о монголах. Казань, 2015; *Hautala R.* Early Latin Reports about the Mongols (1221): Reasons for Distortion of Reality // *Golden Horde Review.* 2015. №1. P. 50–67.

²⁹ *Franke H.* Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolen-Herrschaft. Leipzig, 1949; *его же* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: the Legitimation of the Yuan Dynasty. München, 1978.

³⁰ *Schurmann H.* Economic Structure of the Yuan Dynasty. Massachusetts, 1956.

внимание на экономических процессах, запущенных включением китайских территорий в мировую империю; работы, посвященные военному искусству монголов и тому, что они переняли у своих соседей³¹. Отдельно надо выделить исследования в области культуры и искусства³². Также имеется целый ряд работ, посвященных политическим преобразованиям³³. На фоне приведенных примеров остается подчеркнуть, что в рамках настоящей работы акцент делается на обобщении имеющейся информации, на выделении процессов обратного влияния — со стороны монголов на китайское культурное пространство, и на двойственном характере культурных, идеологических, политических и экономических изменений, которые произошли в результате монгольских завоеваний.

Таким образом, **объект настоящего исследования** — межцивилизационное взаимодействие в Монгольской империи в период от ее возникновения до вхождения Китая и сопредельных территорий в империю Юань, особенности монгольского общества рассматриваемого периода и восприятия его сопредельными народами.

³¹ *Hsiao Ch'i-ch'ing*. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. London, 1978; *Lo Jungpang*. China as a Sea Power. 1127–1368: a preliminary Survey of the Maritime Expansion and Naval Exploits of the Chinese People during the Southern Song and Yuan Periods. Singapore, 2012; *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар при Чингис-хане и Тамерлане / Под ред. генерал-лейтенанта князя Н.С. Голицына. СПб., 1875; *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингис-хана. М., 2004.

³² *West S.* Mongol influence on the development of northern Drama // *China under Mongol Rule*. P. 434–465; *Сорокин В.Ф.* Китайская классическая драма XIII–XIV вв. М., 1979; *Cahill J.* Hills beyond a River. Chinese Painting of the Yuan Dynasty, 1279–1368. N.Y., 1976; *Кравцова М.Е.* История искусства Китая. М., 2004; *Hok-lam Chan*. Chinese official Historiography at the Yuan Court: the composition of the Liao, Chin and Sung Histories // *China under Mongol Rule*. P. 56–107; *Еремеев В.Е.* Цзинь-юаньская реформа в традиционной китайской медицине // *Общество и государство в Китае*. Материалы XXI научной конференции. М., 2011. С. 145–149.

³³ *Дробышев Ю.И.* Мандат Неба в руках монголов; *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол при Хубилае // *Татаро-монголы...* С. 323–334; *Кучера С.* Проблема преемственности культурной традиции при династии Юань // *Роль традиций в истории и культуре Китая* / Отв. ред. Л. Васильев. М., 1972. С. 276–308; *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов в китайской империи // *Феномен восточного деспотизма* / Отв. ред. Н.А. Иванов. М., 1993. С. 314–318

Предметом исследования в настоящей работе стало взаимное влияния монгольского и китайского народов, особые обстоятельства их сближения, а также образ монголов в глазах тех народов, которые вступали с ними в наиболее тесный контакт.

Целью данного исследования является изучение процессов воздействия китайской культуры на монгольское общество, монгольских традиций на китайское общество, изучение образа монголов в сочинениях китайских, арабских, персидских и европейских авторов, изучение изменений в жизни общества, к которым привело установление монгольской гегемонии в Китае и сопредельных областях.

Для достижения заявленных целей в ходе написания работы решались следующие **задачи**: **первая** — выяснить, что представляли из себя монголы рассматриваемого периода, правомерно ли называть их татарами, на каком уровне общественного развития они находились, имелись ли в монгольской среде предпосылки к формированию межнационального государства; **вторая** — рассмотреть, как формировалась у монголов идеология верховной власти, необходимая для создания империи, и в чем выразилось влияние на эту идеологию со стороны ближайших оседлых цивилизаций, в первую очередь, китайской; **третья** — проанализировать, какие представления о монголах формировались у тех народов, которые активно контактировали с ними на протяжении XIII–XIV вв., имелись ли подтверждения межкультурного взаимодействия; **четвертая** — выяснить, каким образом и в каких условиях проходило взаимодействие монгольского и китайского культурного пространств, что нового привнесло монгольское завоевание в жизнь региона и что было позаимствовано монголами у завоеванного населения.

Научная новизна работы заключается в том, что, хотя некоторые из поднимаемых в работе проблем и становились объектами отдельных исследований, однако комплексное сравнение прежде не проводилось. Так, впервые восприятие монголов современниками анализируется на столь

широком круге источников — китайских, арабских, персидских, европейских. Также впервые осуществляется анализ процессов культурного взаимодействия монголов и Китая по столь многим параметрам — от изменений, привнесенных в развитие изобразительного искусства, до перемен в региональной торговле. Что касается тем, которые уже поднимались востоковедами ранее, но необходимы для понимания общего контекста эпохи и ситуации, то они в настоящей работе заново рассматривались с учетом новейшей зарубежной и отечественной историографии и ее комплексного анализа.

Теоретическая значимость. Настоящая работа важна для понимания процессов культурного синтеза между Китаем и монголами XIII–XIV вв., особенностей взаимодействия кочевого и древнего оседло-земледельческого общества, для расширения представлений о монголах как создателях величайшей империи средневековья через призму восприятия их другими народами. Разработка поднятых в работе проблем позволит глубже проанализировать различные аспекты цивилизационного взаимодействия и его последствия для обеих сторон.

Практическая значимость. Материалы настоящей работы могут быть использованы для подготовки лекционных курсов и семинарских занятий по средневековой истории Китая и периоду возникновения Монгольской империи. Также они могут использоваться для изучения проблемы восприятия монголов как «образа другого» в сочинениях их современников. Кроме того, их можно использовать при работе над комплексными историческими исследованиями региона.

Методология и методы исследования. Работа выполнялась с учетом всех основных принципов современной исторической науки: историзм, объективность, системность. В ходе работы применялись такие общенаучные методы, как индукция, дедукция, анализ, синтез. Работа над источниками осуществлялась с помощью сравнительно-исторического анализа. В случае

необходимости для написания некоторых разделов применялись также конкретно-исторические методы нумизматики, исторической метрологии и исторической географии.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период от начала XIII в., с момента преодоления Чингис-ханом раздробленности в Степи, поскольку именно в этот период закладывались основные принципы государственного устройства, идеологии, культуры, и до конца XIII в., времени правления Хубилая — первого императора династии Юань, при которой взаимодействие монголов и китайцев вышло на принципиально новый уровень после окончательного разгрома империи Южной Сун в 1279 г.

Степень достоверности и обоснованности диссертационного исследования высока благодаря использованию большого количества письменных источников, составленных в разных регионах авторами разной этнической принадлежности. Сравнительный анализ сочинений, которые в таком ракурсе и таком объеме прежде в историографии не сопоставлялись, позволил выявить сходства в описаниях целого ряда явлений и процессов, что подтверждает точность сообщений средневековых авторов. Также были досконально изучены работы отечественных и зарубежных авторов, начиная с XVIII в. Кроме того, для повышения результативности исследования привлекались материалы по нумизматике, филологии, исторической метрологии.

Основные положения научно-квалификационной работы, выносимые на защиту:

1. В исторических сочинениях XIII–XIV вв. монголы Чингис-хана фигурируют под именами *монголов*, *татар*, а также *черных татар*. Каждое имя имеет собственное обоснование. Можно выделить следующие варианты: стремление монголов упрочить свой международный авторитет отсылкой к

славному и могучему татарскому племени, различить родственные между собой кочевые племена, использование заимствованного названия из других языков, упоминание монгольского самоназвания. Мы предлагаем еще одну версию: намерение китайцев оценить степень вовлеченности монгольских племен в сферу влияния китайской культуры.

2. В канун великих завоеваний Чингис-хана монгольские племена пребывали в состоянии политической раздробленности. На этом фоне постепенно осознавалась потребность в сильном лидере. Эта потребность нашла свое выражение в избрании Чингиса великим ханом и в его последующей поддержке со стороны большинства простого монгольского населения. Свою роль при этом сыграли как личные качества самого Чингис-хана, так и те нововведения, которые он привнес в процесс управления и распределения обязанностей внутри нового государства. Мы хотим доказать, что важную роль в становлении монгольской империи сыграли идеи сакральности верховной власти, общие для кочевников и земледельцев рассматриваемого нами региона, выражавшиеся для монголов в понятии ханской *харизмы*, а для тесно соседствовавших с ними китайцев — в концепции получения императором небесного мандата на управление страной.

3. Монголы неоднократно описывались своими современниками. Среди авторов, писавших о монголах, встречались как их явные противники, так и те, кто служил их правителям, и потому палитра характеристик чрезвычайно разнообразна. Не все авторы единодушны в рассказах о юности и взрослении Чингиса, о ходе его военных походов, об оценке итогов его завоеваний. Однако на этом фоне имеется целый ряд утверждений, общий для всех источников. К этим утверждениям относятся сведения о низком уровне образованности монголов, их высоких моральных и боевых качествах, хорошей военной организации. Мы анализируем ту неоднозначность, которой наделен образ монголов во всех выбранных нами текстах.

4. Завоевание монголами Китая и формирование государства, в границах которого сосуществовало кочевое и оседлое население, привело к активному цивилизационному обмену между монгольской и китайской культурой. И этот процесс носил обоюдный характер. Последствия монгольской экспансии следует оценивать многозначно. Наряду с безусловно отрицательными итогами, такими как огромные человеческие жертвы, разрушение хозяйства, выстраивание стратифицированного общества, в котором коренному населению Китая отводилась низшая ступень со множеством ограничений, имелись позитивные результаты — развитие изобразительного искусства и театра, совершенствование официальной идеологии, расширение торговли, интенсификация обмена идеями на Востоке и выход этих идей на Запад. В структурах монгольского государства имелись явные заимствования из китайской управленческой традиции, что особенно ярко проявлялось в годы правления династии Юань. При этом сохранялись некоторые элементы, традиционные для монгольских кочевников. Мы анализируем основные направления симбиоза — идеологию, культуру, торговлю — и приходим к выводам ряде положительных последствий завоевания.

Апробация результатов исследования. Основные положения научно-квалификационной работы были изложены в одиннадцати публикациях, общим объемом 13,5 а.л. Среди них — историографические обзоры, аналитические статьи, посвященные различным аспектам становления монгольской империи и взаимодействию монголов с населением Китая, а также развернутый комментарий к новейшей публикации китайского сочинения «Хэй-да ши-люе», одного из важнейших источников по истории монголов XIII в.

Структура и основное содержание диссертации

Структура работы. Цели и задачи исследования определили его структуру: оно состоит из введения, обзора источников и литературы, пяти

глав основной части, заключения и библиографии. Каждая из глав направлена на разработку одной из поднятых в исследовании проблем.

Первая глава основной части имеет вводно-обобщающий характер. Первый ее раздел посвящен краткому обзору процесса возникновения Монгольской империи, военным кампаниям Чингис-хана и расширению подконтрольных монголам территорий. Это необходимо для более полного представления тех условий, в которых развивались исследуемые нами процессы. Второй раздел посвящен анализу понятий «монголы», «татары», и «черные татары», в разных комбинациях встречающихся в используемых нами источниках. Тема очень важная, поскольку атрибуция необходима для правильного толкования исторических данных в дальнейшем. Кроме того, в главе разбираются вопросы географического расселения и этнических особенностей рассматриваемого народа. После анализа имеющихся точек зрения с опорой на новейшую историографию мы выдвигаем свою. Согласно ей, китайцы называли монголов «черными татарами», чтобы подчеркнуть недостаточную их подверженность китайскому культурному влиянию.

Вторая глава содержит разбор основных представлений, существовавших в монгольской среде XIII в. касательно значения и функций верховной власти, начиная от дочингисовой раздробленности и заканчивая установлением единоличной власти Чингис-хана. В фокусе исследования те изменения, которые Чингис привнес во властные институты — создание гвардии, установление норм наказаний и поощрений, распределение войск между родичами, расселение некоторых родов. Это необходимо для понимания новой государственной структуры. Также в главе проводится сравнительный анализ монгольских представлений о хане как отмеченном благосклонностью Неба, с официальной китайской идеологией, основывавшейся на концепции Небесного мандата на управление страной, получаемого легитимной правящей династией. Основываясь на этих

материалах, мы делаем выводы о важности китайских традиций в становлении монгольской империи, о ряде заимствований из китайской культуры.

В третьей главе исследуется восприятие монголов их современниками из числа других народов. Для этого осуществлен сравнительно-исторический анализ ряда китайских, арабских, персидских и европейских сочинений, проводившийся с учетом политической ориентации авторов, степени их хронологической приближенности к описываемым событиям и целей, с которыми составлялись рассматриваемые тексты. В ходе этого анализа выделены основные общие факты, на которые обращали внимание авторы источников; совпадающие характеристики событий и монголов как народа; особенности быта, мировосприятия и воспитания, которые показались авторам источников важными. Таким образом было выявлено, что монгольская храбрость, честность и дисциплинированность безоговорочно признаются всеми современниками, равно как и умение осваивать новые знания; жестокость многим представлялась правомерной; что целый ряд авторов из разных стран видели в монгольском нашествии небесную кару; что нравы монголов, вне всякого сомнения, были просты и незатейливы.

Четвертая глава посвящена всестороннему анализу взаимодействия монгольской и китайской культуры на протяжении существования Великой Монгольской империи и последующего обособления империи Юань. В первом разделе главы уделено внимание проблеме оценки деятельности первого Юаньского императора Хубилая, чью роль в выстраивании междивизиационного диалога трудно переоценить, но при этом в историографии имеют место две полярные точки зрения, одна из которых называет Хубилая объединителем Китая, а другая — узурпатором. Нам ближе первая, но и вторую необходимо упомянуть ради полноты картины. Во втором разделе анализируются приемы управления, которыми пользовались Юаньские императоры, и путем анализа источников проводится разграничение между традиционно монгольскими методами и

заимствованиями из китайской культуры. Процесс заимствования был неизбежен, поскольку лишь Китай мог предложить народу завоевателей отлаженную работоспособную систему управления и контроля за огромными территориями с многочисленным населением. В третьем разделе акцент сделан на сфере искусства, на тех изменениях, которые стали следствием монгольского завоевания. Это выразилось в появлении новых тем в художественном и литературном творчестве, увеличении количества жанров, в изменениях быта монгольской элиты, двора, императора, в принятии верхушкой общества китайских идеалов и ценностей. В четвертом разделе анализу подвергается влияние Китая на военное дело и уровень развития техники монголов. Конкретные примеры из источников позволяют наглядно убедиться в том, сколь велик был вклад китайской военной инженерии и технологий в дальнейшие победы монгольского оружия. Глава написана с опорой на широкий круг источников и учитывает выводы современной и классической отечественной и зарубежной историографии.

Пятая глава концентрирует внимание на более конкретном сюжете — изменениях в региональной торговле, произошедших в результате монгольских завоеваний. Эта тема была выбрана за свою малую разработанность в современной историографии и хорошо заметную двойственность в оценках влияния монгольского воцарения: общепризнанных отрицательных последствий завоевания, таких как подрыв экономики из-за многочисленных человеческих жертв и нарушений традиционной формы ведения хозяйства, никто отрицать не станет, но вместе с тем, имели место и позитивные моменты, которым следует отдать должное. Из сравнения двух источников, «Книги» Марко Поло и «Описания дальних земель» Чжао Жугуа, видно, что торговля в регионе с установлением монгольского владычества заметно оживилась. Первый раздел главы посвящен анализу данных источников по странам и товарам. Второй — эволюции цен на протяжении пятидесяти лет, с привязкой к соотношению стоимости драгоценных металлов,

которые, как выясняется в ходе анализа, дорожают. В третьем рассматривается изменение товарно-денежных отношений в регионе — при монголах натуральный обмен отходит на второй план. В четвертом — китайская торговля в регионе, импортируемые и экспортируемые товары и изменения, произошедшие с установлением монгольского владычества — расширение географии торговли, рост значения драгоценных камней и изделий из кожи.

Итоги исследования, рекомендации и перспективы дальнейшей разработки. В результате проведенной работы были выявлены те направления, по которым шло взаимное влияние монгольской и китайской культуры, были отмечены положительные и отрицательные последствия их соприкосновения после создания империи. К положительным, безусловно, относятся налаживание связей с западным миром, активизация обмена идеями и технологиями, знакомство с достижениями обоих народов, новый импульс к развитию искусства. К отрицательным отнесены огромные человеческие жертвы и разрушения за годы завоеваний, потеря монгольского генофонда в результате дальних походов и ассимиляции. Что касается взаимного влияния культур — отмечена двусторонняя направленность процесса, несмотря на явное превосходство китайской культуры над монгольской по багажу достижений и историческому прошлому. Монголы повлияли на китайский язык, многие направления искусства, моду, военное дело, торговлю, международные связи. Тема диссертации, безусловно, имеет перспективы для дальнейшей разработки, поскольку рассмотрению подверглись изменения, произошедшие при великих общемонгольских ханах, в то время как последующие десятилетия существования династии Юань, вплоть до ее свержения в 1368 г. оказались за рамками исследования, но, вне всякого сомнения, также заслуживают отдельного специального изучения.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

*I. Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03-
Всеобщая история*

1. Нестерова Е.Р. Представления о роли хана и характере верховной власти у монголов в начале XIII в. // Восток. 2016. №3. С. 74–84 (1 а.л.).
Импакт-фактор РИНЦ (2016) — 0,170.

2. Нестерова Е.Р. Некоторые особенности взаимодействия монголов и китайцев в правление Хубилай-хана (1260–1294) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. №4 (34). С. 377–385 (1 а.л.). Импакт-фактор РИНЦ (2016) — 0,331.

3. Нестерова Е.Р. Некоторые аспекты евразийской торговли накануне и в ранний период установления монгольского владычества в Китае (по данным «Описания всех дальних земель» Чжао Жугуа и «Книги о разнообразии мира» Марко Поло) // Средние века. М., 2018. Вып. 79(3). С. 148–179 (1,5 а.л.).
Импакт-фактор РИНЦ (2014) — 0,269.

4. Нестерова Е.Р. Некоторые размышления о связи понятий «монголы» и «татары» в мировой историографии // Человеческий капитал. 2019. №6 (126). С. 23–30 (0,7 а.л.). Импакт-фактор РИНЦ (2018) — 0,192

*II. Научные статьи в журналах, входящих в перечень изданий
рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ*

5. Нестерова Е.Р. Образ монголов в записках иностранных путешественников // Mongolica XIII. СПб., 2014. С. 22–29 (1 а.л.). Импакт-фактор РИНЦ (2015) — 0,076.

6. Нестерова Е.Р. Особенности культурного взаимодействия монголов и китайцев в XIII–XIV вв. // Вестник СПбГУКИ. 2015. 4(25). С. 55–59 (0,5 а.л.).
Импакт-фактор РИНЦ (2015) — 0,189.

III. Иные публикации

7. Нестерова Е.Р. Личность и деятельность Чингис-хана в историографии / Scripta Antiqua. Альманах. Т. 5. М., 2016. С. 214–232 (1 а.л.).

8. Нестерова Е.Р. Монголы, татары, черные татары — кто есть кто в истории монгольских завоеваний // Хэй-да ши-люе. Источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: Восточная литература, 2016. С. 7–19 (0,7 а.л.).

9. Нестерова Е.Р. Комментарий к переводу «Хэй-да ши-люе» // Хэй-да ши-люе. С. 56–98 (3,5 а.л.).

10. Нестерова Е.Р. Монгольская империя в Китае — стили и методы управления и духовная конвергенция // Хэй-да ши-люе. С. 111–133 (1,2 а.л.).

11. Нестерова Е.Р. Источниковедение истории Китая периода Юаньской династии: современные проблемы / Восток-Запад / Отв. ред. акад. В.С. Мясников. 2011–2012. М., 2013. С. 37–60 (1,5 а.л.).